

Парад в Грозном

Евгений Брудно

Телевидение – это не просто работа. Это люди, это проблемы, это сама жизнь. Помню, как меня поразили «Правила техники безопасности для работников телевидения». Очень старые правила. В них было все: от правил электробезопасности до правил обращения с дикими животными. Работая на телевидении, можно столкнуться с чем угодно. Вот одно из самых ярких воспоминаний.

Это было в 2000 году. Я тогда работал в ВГТРК заместителем руководителя инженерно-технического департамента, он же – директор дирекции технического обеспечения. 19 февраля меня вызвали к М.Ю.Лесину – тогда первому заместителю председателя компании.

И вот тут все и началось. Лесин сказал мне, что 23-го (кто не помнит – в День Советской армии) в Грозном намечен военный парад, мне предлагается руководство техническим обеспечением этого мероприятия и поэтому 21-го я должен быть в Моздоке, в штабе наших войск. Директор Пятигорского ТРЦ уже получил распоряжение о предоставлении ПТС, с военными все согласовано. На мой вопрос о творческой бригаде для проведения трансляции было сказано, чтобы я не беспокоился – она будет своевременно. Помощников предложили выбрать самому. Я остановился на В.Я. Лебединце и А.Ф. Фомичеве. Первый – гений в оргвопросах, способный найти выход в любой ситуации, а второй – ПТСник с многолетним стажем, прошедший школу Л.И. Бухман. Увы, этих людей уже нет с нами...

Распоряжение Лесина настолько меня удивило, что я решил уточнить задачу у председателя ВГТРК О.Б. Добродеева. И тут еще больше удивился. Добродеев читал газету, и пока я излагал ему задачу, поставленную Лесиным, от газеты не отрывался, а потом сказал: «Задание вам дано, вот и исполняйте». Стало понятно, что надо рассчитывать только на себя.

Как и было приказано, 21 февраля днем мы были в Моздоке, в том самом штабе. Нас покормили остатками солдатского обеда, и я понял,

как прекрасна солдатская жизнь. Холодная и костлявая рыба в сочетании с холодной же перловкой – это очень вкусно!

ПТС уже прибыла – четырехкамерная «Банга». В качестве вспомогательной машины использовался городской автобус ЛиАЗ. Познакомившись с ребятами, мы пошли в штаб разрабатывать дальнейшие действия. И узнали много интересного! Надо сказать, что от Моздока до Грозного 180 км. Тогда это были те еще километры!

Офицеры, хорошо знающие дорогу, сказали, что ЛиАЗ там не пройдет из-за нескольких очень крутых мостиков, где он сядет на брюхо. Перебрав все варианты доставки, сошлись на том, что ...надо же что-то делать! И тут нам объявили, что приказом командующего (не помню – то ли Трошева, то ли Шаманова), парад переносится на 10 часов утра 22-го!

Я кинулся к телефону, благо связь с Москвой была хорошей. Позвонил Лесину и доложил ситуацию. О переносе парада он ничего не знал и пообещал все выяснить. Позвонив через некоторое время, я узнал от секретаря Лесина, что тот уехал в Кремль. А время -то летит! Напоминаю, было 21 февраля, день склонялся к вечеру.

Посовещавшись, мы решили просить у военных грузовик на замену ЛиАЗу, потому что иного пути, кроме как по шоссе, реально не было. С этим я и обратился к военным, а сам опять засел за телефон. Не буду долго расписывать все переговоры, но когда я дозволился, идя по инстанции, до секретаря Сергея Ястржембского и узнал, что тот играет в теннис и его нельзя беспокоить, то понял, что надежда только на нас самих. Понятно было, что на режиссерскую бригаду уже расчета нет, но малое количество камер давало надежду, что с работой режиссера справлюсь и сам. Звукорежиссером согласился поработать звукоинженер ПТС. А вот без операторов не обойтись. Но материальные затруднения обостряют ум ученых!

Лебединец вспомнил, что в Ханкале на корпункте ВГТРК есть операторы и оттуда в Грозный каждое утро ходит большой вертолет. Я звоню в корпункт и требую от его начальника, чтобы завтра утром операторы, числом не менее четырех, прибыли в Грозный. Озадаченный начальник спросил, имею ли я на это право и как моя фамилия:

– Брудно, имею.

– Ясно, все сделаем.

Что ему было ясно, до сих пор не знаю.

Вдруг в пункт связи, где мы находились вбегает Фомичев и, отозвав меня в сторону, говорит, что персонал ПТС отказывается ехать в Грозный. Иду в ПТС, а там благодатная картина: народ сидит за пультом, превращенным в стол, а на нем стаканы и бутылка отнюдь не с соком.

На мой вопрос начальник смены ответил, что они не поедут в район боевых действий, так как это не входит в их обязанности. Я, честно говоря, растерялся. Что возражать? Как убеждать?

В дальнейшем смысл моих сбивчивых речей сводился к одному: «Ну, не поедете вы, а что дальше? Вернетесь домой, и что вам там скажут? Скажут: «струсили вы, ребята». И что будете на это говорить своим детям?» И далее в том же духе. В итоге народ убрал стаканы и бутылки, сказав, что все понял.

Военные сказали, что езды до Грозного часов восемь и что пора бы уже собираться. На что я опять попросил грузовик, причем в довольно ультимативном тоне. Через некоторое время в коридоре раздался командный голос:

– Какого этот московский ... тут командует?! Кто он такой ..., и т.д, и т.п. – в непарламентских выражениях.

Я вышел в коридор и увидел орущего полковника, представился ему, сказав, что фамилия моя не ..., а Брудно, и что если он не предоставит грузовик, то я позвоню командующему и объясню ему, что ТВ-трансляция славного парада срывается из-за действий полковника. «Как, простите, Ваша фамилия, полковник?»

Соображал полковник быстро, и вскоре уже началась предотъездная суматоха. Мы получили хороший грузовик и солдат для перегрузки оборудования. Часам к 10 вечера все было готово, и мы двинулись. Надо было видеть эту колонну! Впереди – гусеничная бронированная машина, вся в антеннах. Я до сих пор не знаю, что это такое. Следом – скорострельная установка «Шилка», за ней ЗИЛ-133, набитый солдатами. Я таких видал только в кино. Рэмбо и Шварценеггер – дети по сравнению с ними. Как они могли двигаться под весом всего, что на них было надето – загадка! Потом ехали ПТС, белая «Волга» с нами, грузовик с техникой, снова машина с солдатами, еще одна «Шилка» и замыкало колонну что-то бронированное с пушкой. Лишь много времени спустя до меня дошло, что наша «Волга» была бы в случае чего самой удобной мишенью. Но, как говорится, мы крепки задним умом, а тогда суматоха так утомила, что хотелось побыстрее выехать.

Практически сразу, покинув Моздок, колонна оказалась в крошечной тьме. В абсолютной. Ни огонька, ни лучика. Периодически встречались блок-посты, видимо, оповещенные о нас, так что проходили их без задержек. Мостики на дороге действительно были крутыми. Спасибо полковнику за грузовик – ЛиАЗ точно сел бы на брюхо. «Банга» и то еле-еле перекатывалась.

Часам к 5 подошли к Грозному. По-прежнему полная тьма, и только на востоке небо озарилось мрачным красным светом – горели нефтепромыслы.

ПТС «Банга» на базе шасси КАМАЗ

Грозный, 2000 год

Боевой комплекс «Шилка»

Последний блок-пост на въезде – и мы в городе. Фильм-катастрофа! В полной тьме ползем по слегка расчищенным улицам, а справа и слева остатки домов. Такое я видел только в кино – полная разруха.

В 6 утра мы в аэропорту «Северный», где и должен был состояться парад. Спутниковая станция уже на месте, и пока ПТС развертывалась, мы оттуда связались с центральной аппаратной ВГТРК. Слава богу, их руководитель Л.М. Таубе оказался на месте. Известие о том, что парад перенесен на 22-е, повергло его в шок, но это же Таубе! За трансляцию мы были теперь спокойны и занялись собственными делами. О порядке проведения парада, его участниках и т.п. информации не было. Но для меня – самозваного режиссера, она была очень нужна. Отловили какого-то капитана с папкой бумаг и объяснили ситуацию. Повезло и тут – он оказался одним из – по нашей терминологии – организаторов и ввел нас в курс дела.

А тут как раз прибыл вертолет МИ-26 из Ханкалы. Начальник корпункта не подкачал – мы получили четырех операторов. Правда, имелся маленький пустячок: все они были операторами ТЖК и со студийными камерами никогда дела не имели. По известной «еврейской» системе ПТСники обучили их работе на студийных камерах, и ребята, в общем, справились.

Мы размотали кабели, расставили камеры и микрофоны, обсудили с операторами рабочие планы, сдали сигнал в Москву. И вдруг обнаружилось, что каждые несколько десятков секунд в ПТС происходит полный срыв синхронизации! До начала парада совсем чуть-чуть. И тут я сообразил (нахально говоря «я», потому что имел радиолокационное прошлое) – приводной радар! Его включили на работу в круговом режиме, так что он периодически «освещал» ПТС. Расстояние было всего ничего, синхрогенераторы ПТС не выдерживали и срывались. Мы с Фомичевым помчались к локатору. В то, что было дальше, трудно поверить.

Представьте себе, в кунг (автофургон с аппаратурой) приводного локатора на военном аэродроме врываются двое штатских и требуют выключить локатор! Представьте себе, что вы начальник РЛС. Ваши действия? Слава богу, нас не арестовали, а выслушали. Технари всегда договариваются. Мы и договорились, что ребята переведут локатор из кругового в секторный режим, благо борта (самолеты), привод которым они давали, летели не с той стороны, где стояла ПТС. Срывы прекратились, а тут и парад начался.

К тому времени я был уже много лет на ТВ, но оказалось, что совсем не представлял себе работу режиссера. Даже с четырьмя камерами это было совсем не просто, и я даже обрадовался, когда одна из камер вышла из строя. В итоге, парад мы показали. Москва подтвердила, что все в порядке.

Дальше рутинка. Смотали, собрали, выпили и той же колонной поехали обратно в Моздок. По дороге было еще одно приключение. После бессонной ночи мы вздремнули и проснулись от того, что машина остановилась. В окно мы увидели, что бойцы сопровождения залегли в придорожных канавах в весьма недвусмысленных позах, а обе «Шилки» очень активно шевелят стволами. Кто не знает, что такое «Шилка» и что она может – Интернет вам в помощь. Оказывается, остановка была вызвана тем, что в ЗИЛ-133 кончился бензин. АЗС, естественно, рядом не оказалось, и за помощью

обратились к местным жителям. А поскольку их отношение к нам было не очевидно, то и создали боевой антураж. Горючее люди притащили – в трехлитровых банках. Оказывается, они бензин гнали сами, заимствуя нефть из ближайшего нефтепровода. Грузовик заправили и вскоре прибыли в Моздок. Мероприятие завершилось – спасибо всем, кто вольно или невольно помог нам.

И последнее. За годы работы на ТВ жизнь сводила меня со многими достойными людьми. И я хочу обратиться к ним со стихотворением, которое написал к 70-летию Г.К. Качалова. Думаю, что он будет не против.

*Вот мысль, глубокая как море:
Года бегут! Какое горе...
И их не повернуть обратно.
Ну и чего? Совсем отвратно?
Отвратно? Это как считать.
Конечно, время не запустишь вспять,
И не повторишь то, что было.
А было? Было! Было!! Было!!!
Был телевиденья расцвет.
Нет, нет! Не свет, а цвет.
Когда экран заокостенелый,
Всегда уныло черно-белый,
Расцвел, как радуги дуга
и покорил нас навсегда.
Потом была Олимпиада,
Не забывай ее, не надо.
Толпа, сумбур и суматоха –
Вначале было все,
но кончилось неплохо.
Воспоминаньям нет конца,
Они от первого лица –
Участника потока жизни,
Который делал все что мог,
Чтоб упорядочить поток.
Он не сидел на берегу,
Бездумно созерцая бег потока.
Он погружался в глубину,
Хоть было иногда и одиноко.
И коль пришла пора считать,
Прожитого итоги подводить,
Ты можешь смело утверждать:
В прошедшем было все не зря,
не стыдно повторить!*

Слева направо: Альфред Фомичев (нач. отдела ПТС ВГТРК), Евгений Брудно, Тихон Дзыско (ВГТРК), кто-то из военных, Вячеслав Лебединец (главный специалист Технической дирекции ВГТРК). На заднем плане – то, что осталось от аэропорта «Северный»